

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

И. В. Кульганек

**МОНГОЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР
В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ
ПРИ СПбФ ИВ РАН**

Монголоязычные фольклорные материалы являются ценными и важными источниками для изучения культуры монгольских народов и истории монголоведения. Именно фольклор из всех сфер творческой деятельности монголов представляет собой явление сугубо национальное, впитавшее в себя многовековую музыкально-поэтическую, речевую, культурную традиции монгольского народа. В фольклоре заключено все многообразие морально-этических представлений народа и как нигде зримо проявляется языковая картина мира. В нем высвечиваются вершины подлинно художественного творчества. В своей безыскусной простоте образцы его пленительны и оригинальны. И поскольку фольклор связан с образно-поэтическим восприятием мира, т. е. с самыми труднодоступными структурами ойкумены, он продолжает оставаться до конца не понятым европейскими исследователями.

Началом его активного собирания в России можно считать середину XIX в., время создания Восточного отделения при Русском географическом обществе в 1851 г., которое с первых дней своего существования стало проявлять большой интерес к сбору материалов по этнографии, религии, творчеству разных народов. С этого времени Санкт-Петербург стал центром востоковедения России. В него стали стекаться лучшие монголоведные силы. В 1854—1855 гг. открылся Восточный факультет в Санкт-Петербургском университете, где стали готовиться кадры монголо-

ведов. В это время было осуществлено большое количество этнолого-лингвистических экспедиций, что позволило собрать громадный материал по различным говорам монголоязычных народов. В начале XX в. монголоведение в Петербурге было представлено в таких научных учреждениях, как Музей антропологии и этнографии при АН, Радловский кружок при МАЭ, Этнографический отдел Русского музея, Институт буддийской культуры, Ленинградский институт живых восточных языков.

Все это явилось причиной сосредоточения в Петербурге огромного количества архивных материалов, в том числе фольклорных, по Монголии, Бурятии, Калмыкии. Крупнейшими хранилищами стали Санкт-Петербургское отделение Архива академиков РАН, Архив Мемориального музея П. К. Козлова, Архив Географического общества, Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом), Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Архив Российского этнографического музея, Центральный государственный исторический архив. Наибольшее количество монголоязычных фольклорных материалов сосредоточено в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН, который, развивая лучшие традиции отечественного монголоведения, собрал под своей крышей лучших ученых, занимавшихся специально монгольским фольклором.

Уже среди первых поступлений монголоязычных материалов Азиатского музея из библиотеки Академии наук, которым большое внимание уделял первый директор Музея академик Х. Д. Френ, были записи, касающиеся фольклора селенгинских бурят [1]. Они были получены в результате экспедиции по Сибири Д. Г. Мессершмидта (1720—1724), по Забайкалью — Г. Ф. Миллера (1735—1741), Палласа (70-е гг. XVIII в.).

В архиве имеются богатейшие коллекции по фольклору Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Н. Очирова — бурятских ученых-собираателей начала XX в., значительно обогативших отечественное монголоведение. Эти материалы поступили в Азиатский музей из Русского Комитета для исследования Средней и Восточной Азии при К. Г. Залемане, который занимал пост директора на протяжении почти трех десятилетий. Ряд фондов был сформирован из материалов, переданных родственниками ученых А. В. Бурдукова, Н. П. Шастинной, Б. И. Панкратова, Б. Я. Владимирцова. В 1949—

1953 г. личные фонды действительных членов АН СССР и частично фонды членов-корреспондентов были переданы в Архив АН СССР. Среди них оказались фонды Б. Я. Владимирцова (ф. 82). Вместе с материалами, поступившими от дочери Б. Я. Владимирцова — Л. Б. Владимирцовой в 1965 г., они вошли в фонд № 780 (171 дело) Архива АН СССР (ныне Архив академиков РАН, далее СПбО АА РАН). Материалы В. Л. Котвича (ф. 31) были объединены с материалами, поступившими от И. Ю. Крачковского и из Караимского историко-этнографического музея в Вильнюсе, и сейчас составляют ф. 761 (67 дел) в СПбО АА РАН. Архивные материалы В. В. Радлова (ф. 45), объединенные с материалами А. И. Толмачева, полученными в 1936 г., находятся там же в ф. 177 (494 дела). Туда же были перенесены и копии путевых описаний О. М. Ковалевским его путешествия в 1820—1832 гг. в Кяхту и Пекин (ф. 2, оп. 1) и материалы Я. И. Шмидта (ф. 785). В настоящее время Архив востоковедов при СПбФ ИВ РАН, после многократных рефондирований, самое крупное из которых было проведено в результате соединения его с рукописным отделом в 1933 г. [2], а затем выделения вновь в самостоятельную единицу в качестве Архива востоковедов в 1937 г. [3], насчитывает 151 личный фонд, 29 тематических фондов (названных разрядами) и фотоархив, до сих пор не разобранный.

До сих пор не существует ни полного всеобъемлющего описания фольклорных монголоязычных материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН, ни краткого каталога. Некоторая часть их отражена в обзорных статьях С. Ф. Ольденбурга [4], С. А. Козина [5], Н. П. Журавлева и А. М. Мугинова [6], Т. П. Горегляд [7], Л. И. Чугуевского [1], И. И. Иориша [8], Л. С. Савицкого [9], И. Д. Бураева [10], И. В. Кульганек [11], В. Ц. Найдакова [12].

Но, несмотря на отсутствие каталога фольклорных материалов, они всегда вызывали и в настоящее время вызывают большой интерес, о чем говорят учетные листы посетителей Архива востоковедов, где вписано много имен отечественных и зарубежных ученых-монголоведов. Изданные ими фольклорные материалы Архива позволяют в какой-то степени говорить о содержании монгольских коллекций. Прежде всего это издания, предпринятые Бурятским институтом общественных наук, такие как «Бүхү Хара Хүбүн», «Улигеры ононских хамниган», «Бурятский герои-

ческий эпос», «Абай Гэсэр хүбүүн» и др. Архивный материал по монгольязычному фольклору нашел также отражение в статьях, монографиях отечественных и зарубежных ученых.

В настоящее время фольклорные монгольязычные материалы находятся в трех разрядах: р. I, оп. 3: Монголия и Тибет; р. II, оп. 1: Буряты и Калмыки, р. III, оп. 1: Материалы отдельных лиц. Составление их относится к 1937—1938 гг., когда для приведения Архива в порядок была приглашена дирекцией группа из пяти квалифицированных специалистов, возглавил которую известный в те годы архивист, заведующий рукописным отделом Пушкинского Дома Л. Б. Модзалевский. Они стали впервые применять опыт обработки, внедрявшийся тогда в Академии наук. Именно в то время появились описи фондов и разрядов, книга поступлений материалов, были заведены дела фондов — формуляры, содержащие сведения по истории формирования фондов и коллекций [13]. Кроме этих разрядов, фольклорные материалы содержатся в следующих личных фондах:

- ф. 87. Барадийн Базар Базарович. 34 ед. хр.;
- ф. 62. Жамцарано Цыбен Жамцаранович. 148 ед. хр.;
- ф. 44. Позднеев Алексей Михайлович. 319 ед. хр.;
- ф. 29. Ковалевский Осип Михайлович. 29 ед. хр.;
- ф. 60. Голстунский Константин Федорович. 43 ед. хр.;
- ф. 63. Казакевич Владимир Алексеевич. 29 ед. хр.;
- ф. 83. Якимов Василий Дмитриевич. 30 ед. хр.;
- ф. 145. Панкратов Борис Иванович. 501 ед. хр.

Объединение в одну опись материалов по Тибету и Монголии закономерно, так как в то время Тибет и Монголия входили в единый культурно-исторический регион и исследование его осуществлялось одними и теми же учеными. В р. I представляют интерес записи текстов и дневники не только ученых-монголистов, но и людей, волею судеб попавших в Монголию: путешественников, поломников, торговцев. Это «Дневники путешествий Н. Н. Шнитникова (1895) по Северной Монголии», в которых, наряду с подробной фиксацией состояния природы, климата, рельефа Монголии, записано несколько песен (р. I, оп. 3, № 6/629,

тетр. 1.2.3), «Дневники путешествия в Ургу Л. Е. Жапова» (р. I, оп. 3, № 7/375).

В материалах Ц. Д. Номинханова есть обширные фольклорные записи по языку дербетов Северо-Западной Монголии (р. I, оп. 3, № 39). Несколько фольклорных текстов выявлено в материалах, собираемых для изучения редкого монгольского диалекта *задага* (р. I, оп. 3, № 47). Интересны материалы Соднома (р. I, оп. 3, № 48), Гр. Горина (р. I, оп. 3, № 14/374). В сборнике «Монгольский эпос» (р. I, оп. 3, № 56) наряду с «Поучениями Чингиз-хана» и «Историей о двух скакунах» записаны на старомонгольском языке 8-я и 9-я главы «Гэсэра», а также образцы афористической монгольской поэзии. Среди большого количества переводов чиновника иркутского департамента А. В. Игумнова есть стихи о Дар-эхэ (р. I, оп. 3, № 61). В этом же разряде находится статья Т. А. Бурдуковой об искусстве калмыцких сказителей (р. I, оп. 3, № 53) и записи улигеров, сделанные А. К. Богдановым (р. I, оп. 3, № 41).

В разряде «Буряты и Калмыки», насчитывающем 392 дела, основную часть составляет переписка (прошения, разговоры, донесения, петиции, копии документальных материалов степных дум, личных архивов тайшей, родовых начальников) конца XIX—начала XX в., когда в Забайкальской области (Бурятии) были проведены волостная реформа и мероприятия по землеустройству. Здесь имеется некоторое количество фольклорных материалов. Это прежде всего «Материалы по устной народной литературе астраханских дербетов 1909—1911 гг.» Н. Очирова (р. II, оп. 1, № 344), включающие более двухсот загадок и пословиц, более 50 песен на калмыцком языке, а также материалы собирателей Б. Цыренова (р. II, оп. 1, № 550), Г. Хамгашалова, Г. Бертагаева и «других аспирантов ИВ РАН» (р. II, оп. 1, № 358), Ф. В. Муромского (р. II, оп. 1, № 346), И. З. Хамаганова (р. II, оп. 1, № 353). Определенный интерес представляют также содержащее образцы бурятской поэзии сочинение «О бурятах и тунгусах пограничного казачьего войска» майора по особым поручениям, состоящего при генеральном губернском Восточно-Сибирском штабе К. С. Безносика (р. II, оп. 1, № 2), и «Отчет о летней командировке студента А. Борзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии в 1909 г.» (р. II, оп. 1, № 349). Самыми же ранними в этом фонде являются «Граммати-

ческие и словарные материалы по калмыцкому языку, калмыцкие тексты протестантских миссионеров в Сарепте и доставленные в Петербург сыном сарептского аптекаря Гольбаха в начале XX в.».

Особенности формирования единицы хранения из группы рукописей фондообразователя, их суммарное описание затрудняют выявление фольклорного материала. Единицы хранения комплектовались не только по тематическому, но и по географическому, хронологическому, номинальному принципу, в одной единице хранения оказывались разнородные материалы. Не всегда соблюдалось основное правило формирования единицы хранения, по которому она не должна превышать 200 страниц. Можно сказать, что фольклорные образцы часто рассыпаны как жемчужины среди совершенно чужеродного материала. Встречаются явные несоответствия названия единицы хранения ее содержанию, такие, например, как в р. III, оп. 3, № 67.

Наибольшее количество фольклорных материалов сосредоточено в фонде монголоведа проф. Петербургского университета А. М. Позднеева (ф. 44) (из 319 дел, переданных в дар Азиатскому музею вдовой фондообразователя — В. Н. Позднеевой, а затем дочерью — Римской-Корсаковой, фольклорные записи содержатся в 30 ед. хр.), в фонде бурятского ученого, сотрудника Ученого комитета МНР и ЛО ИВ РАН, общественного деятеля, собирателя бурятского и монгольского фольклора Ц. Ж. Жамцарано (ф. 62). О нем другой известный монголовед А. Д. Руднев в свое время сказал, что такое «изумительное количество текстов не собирал, кажется, ни один другой собиратель, ни у какого другого народа». В его фонде из 148 дел, более ранняя часть которых поступила в Азиатский музей через Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, фольклорный материал находится в 50 единицах хранения.

В фонде Б. Б. Барадийна, монголиста и тибетолога, сотрудника Ученого Комитета МНР и ЛО ИВ РАН, большая часть архива которого находится в БКНИИ (ф. 87), из 34 единиц хранения фольклорные записи есть в 20 единицах хранения. В фонде Б. И. Панкратова, китаиста, маньчжуриста, тибетолога и монголоведа, сотрудника ЛО ИВ РАН (ф. 145), из 501 дела, которые поступили в дар от вдовы Б. И. Панкратова — Н. Б. Родионовой, фольклор занимает 33 единицы хранения. В фонде К. Ф. Голстунского

(ф. 60), материалы которого были выделены из состава его коллекций рукописей и ксилографов, поступивших, по-видимому, в конце XIX в., фольклорные материалы представляют собой главным образом песни; они находятся в 5 единицах хранения. В фондах В. А. Казакевича (ф. 63) и В. Д. Якимова (ф. 83) есть интересные современные легенды монголов, касающиеся личности Джа-ламы. В личных фондах иногда встречаются фольклорные материалы, не принадлежащие фондообразователю. Так, например, в фонде Б. И. Панкратова находятся работы по фольклору Н. Н. Поппе (ф. 145, оп. 3, № 42, 43, 45), Б. Бамбаева (ф. 145, оп. 3, № 84), в фонде А. М. Позднеева есть материалы А. Д. Руднева (ф. 44, оп. 1, № 229), в фонде Ц. Жамцарано имеются материалы С. Дылыкова (ф. 62, оп. 1, № 79, 81) и Д. Цэдэнова (ф. 62, оп. 1, № 127).

Таким образом, фольклорные материалы в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН находятся в фондах: р. I, оп. 3; р. II, оп. 1; р. III, оп. 1, 3; ф. 62; 87; 63; 44; 60; 145; 83; 29, т. е. в 11 (одиннадцати) фондах, и составляют 150 единиц хранения, в которых содержатся более 3000 уникальных фольклорных произведений. Многие из них до сих пор не изданы. Среди материалов встречаются интереснейшие образцы народной литературы по различным говорам монголов, бурят и калмыков, как собственно монгольские (халхасские, дархатские, ордосские, чахарские, абага, суннитские, узумчинские, баргутские, урянхайские, дербетские), так и бурятские (хоринские, агинские, эхиритские, кижингинские, баргузинские, булгатские, аларские) и калмыцкие (донских, ставропольских калмыков).

В настоящее время вопрос о жанровом делении устного фольклора монголоязычных народов остается до некоторой степени открытым, поскольку зачастую оказывается расплывчатым само понятие жанра из-за взаимопроникновения различных его компонентов, что диктуется постоянной динамикой внутрижанровых и межжанровых связей. Неисследованными также являются «специфические понятия и определения, при помощи которых можно было бы описать фольклорные жанры как систему». Однако, исходя из принятой в современной фольклористике классификации деления фольклорных произведений на «роды, жанры и жанровые разновидности», где под родом понимается способ изображения действительности (эпический,

лирический, драматический), под жанром — тип художественной формы (былины, сказка, песня, пословица и проч.), под жанровой разновидностью — тематическая группа произведений (сказки волшебные, сказки о животных, сказки социально-бытовые...), а также опираясь на теоретические исследования в области жанрового определения монголоязычного фольклора современных фольклористов, таких как Г. И. Михайлов, К. Н. Яцковская, Х. Сампилдэндэв, Л. Хурэлбатыр, П. Хорло, С. Ю. Неклюдов, М. И. Тулохонов, С. С. Бардаханова, М. Гадамба, а также их предшественников ученых-монголоведов Ц. Дамдинсурэна, Б. Я. Владимирцова, Г. Д. Санжеева, А. М. Позднеева, было решено фольклорные монголоязычные материалы Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН распределить по следующим разделам:

1. Крупные поэтические жанры: героический эпос — сказания, поэмы (монг. *тууль*);
2. Малые поэтические жанры: восхваления, благопожелания, поучения, речи, песни (монг. *магтаал*, *үг*, *ерөөл*, *сургаал*, *дуу*);
3. Прозаические жанры: легенды, мифы, предания, сказки, сказы, анекдоты, притчи, рассказы (монг. *домог*, *яриа*);
4. Афористические жанры: пословицы, поговорки, загадки (монг. *цэцэн үг*);
5. Конфессиональная поэзия: заклинания, обращения, молитвы, призывания, проклятья (монг. *бө мөргөл*, *хараал*).

Кроме непосредственно записей фольклорных произведений в Архиве есть ряд материалов, имеющих прямое отношение к этому жанру: конспекты, планы, описи фольклорных записей, статьи, лекции по фольклору, ноты.

Особенностью фольклорных монголоязычных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН, представленных всеми крупными и малыми фольклорными жанрами, является многоаспектность их содержания и разнообразие по форме записи. Часть их относится к концу XIX—началу XX в., т. е. к тому времени, когда ярко проявился интерес к диалектным особенностям языка и живым говорам, к народной литературе. Эти тексты записаны в академической фонетической транскрипции, учитывающей палатализацию, долготу, краткость звуков, уда-

рение в каждом конкретном произношении. Именно в такой транскрипции записано большинство образцов, собранных Ц. Жамцарано, Б. Барадийном, А. Д. Рудневым. Материалы К. А. Голстунского и А. М. Позднева — более раннего периода — представляют собой записи на старомонгольском языке (на уйгурской графике), поскольку собирателей в то время произведения интересовали прежде всего как факт устной литературы народа. Путешественники, не знающие монгольского языка, записывали приблизительное звучание монгольских слов русскими буквами (например Н. Н. Шнитников).

Кроме экспедиционных записей фольклора в Архиве востоковедов есть сборники, составленные по жанровому принципу, например, содержащие только пословицы и загадки (ф. 44, оп. 1, № 86) или песни и благопожелания (ф. 44, оп. 1, № 95). Иногда собиратель располагал материал по диалектам, как, например, Н. Очиров, в одну тетрадь которого вошли загадки и песни на калмыцком языке (р. II, оп. 1, № 333). Есть корректура работы Н. Н. Поппе «Северо-халхасское наречие», которая содержит 20 новых песен, поэму и сказку, к ней приложен рукописный вариант этих песен с переводом (ф. 145, оп. 3, № 43).

В первом выделенном нами разделе — «Крупный поэтический жанр: героический эпос» — находятся главным образом поэмы (бур. *ульгэр*), собранные Ц. Жамцарано и Б. Барадийном во время их этнолингвистических командировок в Забайкалье и Монголию в начале XX в. от Русского Комитета при Академии наук для изучения Средней и Восточной Азии. Это были первые записи бурятского и монгольского фольклора такого рода, когда не пересказ фиксировался, а велась дословная запись всего произведения. Лучшие *улигершины* Забайкалья и Монголии — Маншуд Эмэгенев (Эмегеев), Бутушка Бурлаев, Базар Галданов, Бадма Цырен Дашибалов, Харитон Николаевич Терентьев, Лазарь Бардаханов и др. — пели и рассказывали им иногда по несколько дней кряду, с небольшими перерывами на еду и сон, как это подтверждают «Дневники Ц. Жамцарано» (ф. 62, оп. 1, № 40, тетр. 1—5), свои героические поэмы, насчитывавшие от 5 до 20 тысяч стихов, в которых мифологические представления монголов тесно сплелись с их тысячелетней историей и борьбой за жизнь. Ц. Жамцарано, будучи сотрудником ЛО ИВ АН, успел немало

опубликовать. Из собранного они вместе с А. Д. Рудневым издали 3 тома в пяти выпусках образцов фольклора монгольских племен. Позже не раз Бурятский институт общественных наук обращался к архивному наследию Ц. Жамцарано, хранящемуся в Архиве востоковедов. Но есть еще поэмы, которые ждут своих исследователей и издателей, такие как, например, «Ёндон хан». Эта поэма записана Ц. Жамцарано в 1906 г. от Терентьева в Кудинском ведомстве. Не изданы былины, записанные Б. Барадийном среди агинских бурят «Буха нойон баавай» — от Аюурзаны Намсрайн, насчитывающий 2230 стихов (ф. 87, оп. 1, № 20), «Уншин хара хубүүн» (там же), записи Цыренова «Халдай Мэргэн хан» (р. II, оп. 1, № 350/I), а также «Баян хуурай хан» (р. II, оп. 1, № 359), записанный С. П. Балдаевым, который, по словам Г. О. Туденова, «после М. Хангалова и Ц. Жамцарано открыл в Кудинской степи целую плеяду не менее талантливых *улигершинов*, сказителей и других исполнителей». Большая часть записей сделана в академической фонетической транскрипции, которой можно было с высокой степенью точности отразить особенности диалектного произношения, что превратило эти записи в ценные лингвистические источники по изучению различных диалектов монгольских языков.

Во втором выделенном нами разделе — «Малые поэтические жанры» — находятся произведения любимейших жанров монголов: *уртын дуу* (длинные песни) и *богино дуу* (короткие песни), различающиеся по манере исполнения. В Архиве их огромное количество, среди них есть как обрядовые: хвалы, оды, величальные песни, благопожелания, здравицы, поучения, наставления, так и необрядовые: эпические, исторические, лирические, философские, сатирические. Они сопровождали монгола на протяжении всей его жизни, от колыбели до смерти, поскольку жизнь кочевника, как и жизнь любого члена традиционного общества, была жестко регламентирована и проходила в рамках точных установок в виде обычаев и традиций. Музыкально-поэтические формы творчества были приурочены к каждому событию жизни члена общества.

В Архиве востоковедов есть тексты восхвалений и благопожеланий, собранные среди различных монгольских народностей: дербетов, хорчинов, горлосов, туметов, узумчинов, ордосцев, хори-бурят, суннитов, абага, баргузинцев,

часто — с соблюдением особенностей каждого из этих диалектов. Ценными для фольклориста являются комментарии собирателя к содержанию песен, характеру, поводу исполнения, заметки об информантах, о местности, где собирался данный материал. Наиболее объемные собрания представляют собой записи Ц. Жамцарано — 44 свадебных благопожелания эхирит и булгат (ф. 62, оп. 1, № 1) и Ц. Номинханова — 10 благопожеланий калмыков (р. I, оп. 3, № 396). Интересны записи собранных последним у дербетов Северо-Запада Монголии (р. I, оп. 3, № 39а) благопожеланий, произносимых «при приготовлении блюда из внутренностей барана», «при дегустации новой водки», «после окончания первого числа первого месяца работы по таврованию и выхолощиванию скота», «во время праздника весны — 21-го числа первого летнего месяца, в честь хозяев земли и воды». В Архиве востоковедов есть несколько записей известнейшего *магтаала* коню, пришедшему первым на скачках. Это запись Х. Номинханова, имеющая 15 стихов (р. I, оп. 3, № 39а, л. 162), запись Б. Барадийна от агинского хори-бурята Ринчин Эрдэни в 98 стихов (ф. 87, оп. 1, № 15, л. 118—122), две записи Ц. Жамцарано, одна из которых сделана от Доржи 18 лет в Майма-хоте и насчитывает 32 стиха (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 273), вторая — от Лувсан Цэрэна, 37 лет, халха, в Гударге Цеценхановского аймака 1909—1910 гг. (ф. 62, оп. 1, № 18). Некоторые из них изданы.

Большую часть этого раздела занимают необрядовые малые поэтические формы: эпические, лирические, исторические, религиозные, философские, революционные песни. Их более тысячи. Среди них есть известные исторические песни, такие как о «Торой Банди» (р. I, оп. 3, № 6/629, с. 11—12, 3 тетр.) и о «Шилде Занги» (ф. 62, оп. 1, № 1, л. 95). В Архиве есть немало сборников песен, например в материалах Ц. Жамцарано (ф. 62, оп. 1, № 1), Х. Номинханова (р. I, оп. 3, № 39 а, б, в), Б. Барадийна (ф. 87, оп. 1, № 19). Часть песен вошла в различные издания.

В конце XIX в. у собирателей повысился интерес к информантам. Поэтому в их записях стали появляться пометки о родовой принадлежности, месте жительства, о социальном статусе, об отношениях с родственниками исполнителя. Нередки разъяснения к тексту и сведения об истории создания, значении, месте песни в фольклоре.

Например, среди комментариев Ц. Жамцарано можно встретить такие: «песня-насмешка о кударинце, женившемся на русской, интересна тем, что встречаются русские слова „хорошка“ — „крупа“ и „подавайдла“ — „подавать“» (ф. 62, оп. 1, № 1, л. 261); «песня бродячих лам о времени рождения и учении Шакьямуни и его учеников Сарипуты и Ананды, объясняющая значение символических частей палки и нищенской чаши» (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 241). Большинство записей начала XX в. сделаны в академической фонетической транскрипции и сгруппированы с учетом диалектной принадлежности. В архиве есть также описание любимого среди бурят танца «хатарха» (ф. 87 оп. 1, № 16, л. 76) и одни из первых образцов нотных записей монгольских песен, предпринятых Н. Н. Шнитниковым (р. I, оп. 3, 6/629, тетр. 3, л. 10—12).

В третьем разделе — «Прозаические жанры» — находятся предания, легенды, мифы, сказания, бывальщины, сказы, сказки, былички, басни. Как известно, эти жанры часто генетически взаимосвязаны, что затрудняет их классификацию. В архиве есть этиологические легенды, например, о «происхождении вина» (ф. 29, оп. 1, № 25), демонологические, такие как «Черт» (ф. 67, оп. 1, № 15, л. 95), (р. II, оп. 1, № 342), антропогенные — «Легенда о Майдари, который украл у Шигемуни цветок» (ф. 44, оп. 1, № 228, л. 67), охотничьи рассказы (ф. 62, оп. 1, № 15, л. 155), (ф. 62, оп. 1, № 18), есть сказки о Бегирмеджид-хане, имеющие санскритский литературный источник, ставший на несколько веков чрезвычайно популярным в Монголии, Бурятии, Калмыкии (ф. 62, оп. 1, № 12, л. 73—84), генеалогические предания о происхождении родов эхирит и булгат (ф. 62, оп. 1, № 40 (6), л. 63), несколько сказок о Балан Сенге (или Далан Худалчи) — хитром бродячем монахе, дурачившем богачей, незадачливых путников и жадных хозяев (ф. 62, оп. 1, № 40 (4), л. 32—39), (ф. 62, оп. 1, № 2, л. 99—106). Существует немало изданий монгольских, бурятских, калмыцких сказок.

В раздел «Афористические жанры» помещены пословицы, поговорки (*зүйр цэцэн үг*), загадки (*оньсого*). «Ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются, злорадствуют над кем-то, жалеют, обещают, разрешают, приказывают, запрещают»

ют». Однако функции пословиц и поговорок монголоязычных народов, как и паремий многих других народов, во всей их полноте не выявлены. Поэтому классификация изречений по функциональному назначению и смысловой структуре все еще остается одной из актуальных проблем дальнейших паремиологических исследований. Образцы афористической поэзии часто живут как вкрапления в более крупных фольклорных формах, таких как улигеры, эпические песни. Их много в «Гэсэре», в «Алтай Цаган Хубун». Есть целые собрания пословиц и загадок. Иногда собиратели объединяли их в одну тетрадь по тематическому принципу, например, пословицы «о нравах» (ф. 44, оп. 1, № 88) или «о женщине» (ф. 44, оп. 1, № 3). Иногда мудрые изречения собирались по диалектному принципу, как, например, записи Х. Номинханова (р. I, оп. 3, № 39а). Самыми объемными являются записи А. М. Позднеева: одна тетрадь насчитывает 86 монгольских поговорок (ф. 44, оп. 1, № 86), другая — 97 монгольских пословиц (ф. 44, оп. 1, № 88). Много афоризмов записано Н. Очировым: одна его тетрадь содержит 115 калмыцких пословиц (р. I, оп. 1, № 344).

Большой популярностью среди монголоязычных народов пользуются загадки и пословицы. По своей структуре они бывают дву-, трех- и четырехчленны, т. е. представляют собой дву-, трех- и четырехстишия — так называемые «триады» и «катрены». В Архиве востоковедов их также достаточно много. Среди загадок и пословиц есть халхаские, дербетские, узумчинские, абага, суннитские, хэшигтен, ордосские, чахарские. Многие из них изданы.

В разделе «Конфессиональная поэзия» сосредоточен материал, имеющий отношение к древнейшей вере монголоязычных народов — к шаманизму, выработавшему различные словесно-поэтические ритуальные формы: заклинания, молитвы, заговоры, проклятья, призывания, сопровождавшие шаманские обряды. По представлениям древних людей, произносимые слова обладали магической силой и помогали при преодолении препятствий, выполнении трудных заданий, воскрешении умерших, признании родства, избавлении от болезней и несчастий, т. е. во всех делах, на которые они были направлены. Наибольшее количество материалов относится к бурятскому шаманизму и содержит тексты, произносимые почти при всех видах

шаманских обрядов: *ду хаалга* (монг. *сацал*, обряд капанья, брызганья) (р. II, оп. 1, № 343); *хаялга* (более сложный обряд, который включает, кроме брызганья, предварительное очищение жертвенной пищи и еды огнем и благовоениями, развешивание ленточек, веток березы) (ф. 44, оп. 1, № 30); *захил* — следующая ступень обряда жертвоприношения, заключающаяся в заклании одного или нескольких животных, с последующим выставлением на шесте *зухли* — кожи жертвенного животного с головой, конечностями и хвостом. Этот обряд совершается только с помощью шамана в случае тяжелой болезни, несчастья или гибели скота (ф. 44. оп. 1, № 37), (р. II, оп. 1, № 353). Записи шаманской поэзии, хранящиеся в Архиве востоковедов, ценны тем, что почти все они содержат комментарии к текстам, например, пространный комментарий имеет текст призывания, записанный Н. Хамагановым (р. II, оп. 1, № 353). В ф. 28, оп. 1, № 255 имеется не только текст молитвы шамана на свадебном вечере, но и описание всего обряда сватовства с участием шамана. А. Д. Корнаков, приводя похоронное молебствие, описывает все похороны Танцзин-ламы, где шаману отведена определенная роль (р. I, оп. 3, № 26). Собиратель Уланов приводит тексты калмыцких шаманов, рассказывая при этом об обычаях жертвоприношения (ф. 28, оп. 1, № 262). Самый богатый материал по шаманской поэзии собрал Ц. Жамцарано, среди его записей 28 текстов с комментариями, касающимися как самих текстов, так и описаний обрядов, таких как «обряд призывания души», «вымаливания детей», «призывания к богам западным и восточным», «о 12 пятницах», «о большом и малом тайлганах» (ф. 62, оп. 1, № 15, 18, 40 (1—5 тетр.)). Изданы из них очень немногие.

В большинстве своем все это богатейшее наследие ждет своего исследователя и издателя.

Литература

1. Чугуевский Л. И. Архив востоковедов (б. Азиатский музей) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XXIII годовичная сессия ЛО ИВ АН СССР: Материалы отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1990.
2. СПОАА РАН, ф. 152, оп. 1, д. 328.
3. СПОАА РАН, ф. 152, оп. 3а, д. 35.

4. *Ольденбург С. Ф.* Азиатский музей // Азиатский музей Российской Академии наук, 1818—1918: Краткая памятка. СПб., 1920. С. 6—7.

5. *Козин С. А.* Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Институт востоковедения СССР. Л., 1934. Вып. 5—6. С. 55—56.

6. *Журавлев Н. П., Мугинов А. М.* Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М., 1953. С. 34—53.

7. *Горегляд Т. П.* Обзорение архивных материалов Ц. Ж. Жамцарано // Бюллетень архива востоковедов. Вып. I. Л., 1961. С. 11—13.

8. *Иорши И. И.* Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., 1966; *Он же.* Обзорение архивных материалов Позднеева А. М. // Бюллетень Архива востоковедов. Вып. 2. 1961. С. 1—12.

9. *Савицкий Л. С.* Обзорение архивных материалов Барадийна Б. Б. // Бюллетень Архива востоковедов. Вып. 3. Л., 1963. С. 1—28; *Он же.* Обзорение фонда Б. Б. Барадийна в собрании архивных материалов ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники и проблемы истории культур народов Востока: XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1900. С. 141—170.

10. *Бураев И. Д.* Рукописный фонд Ц. Жамцарано в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР // Цыбен Жамцарано, жизнь и деятельность: Доклады и тезисы научной конференции. Улан-Удэ, 1991. С. 55—63. Далее: Жамцарано. Доклады...

11. *Кульганек И. В.* Песенники из монгольского рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 63—71.

12. *Найденов В. Ц.* Изучение и издание фольклорного наследия Ц. Ж. Жамцарано // Жамцарано. Доклады... С. 5—13

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 января 1929 г. об утверждении Положения об архивном управлении РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1929. № 16. С. 173.

I. V. Kulganek

**MONGOLIAN FOLKLORE
IN THE ORIENTALISTS' ARCHIVE
AT THE SAINT-PETERSBURG BRANCH
OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
(SPBIOS)**

Mongolian-language folklore materials are valuable and important sources for the study of the culture of the Mongolian peoples and the history of Mongolian studies.

The largest amount of Mongolian-language materials is concentrated in the Orientalists' Archive at the SPBIOS, which, in the best traditions of Russian Mongolian studies, brought together the strongest specialists in the field.

Among the first Mongolian-language materials acquired by the Asiatic Museum from the library of the Academy of Sciences, which were accorded great importance by the Museum's first director, C. D. Fraehn, were records of the folklore of the Selengin Buryats [1]. They were gathered during D. G. Messerschmidt's Siberian expedition (1720—1724), G. F. Miller's expedition to Zabaikal'e (1735—1741), and Pallas' expedition (1770s).

The Orientalists' Archive at present holds 151 personal archives, 29 subject archives (called categories [razriady]), and a still-unsorted photo archive. The current scheme emerged after numerous re-organizations, the most significant of which was conducted after the combination of the orientalists' archive with the manuscript collection in 1933 [2], although the orien-

talists' archive was reconstituted as an independent unit in 1937 [3].

At present, there is neither an all-encompassing description of the Mongolian-language folkloric materials in the Orientalists' Archive, nor a brief catalog.

At the current time, Mongolian-language folklore materials are contained in three categories: cat. I, inv. 3 «Mongolia and Tibet»; cat. II, inv. 1 «Buryats and Kalmyks»; cat. III, inv. III «Materials of individuals». They were drawn up in 1937—1938.

Additionally, folklore materials are contained in the following personal collections:

- f. 87 Baradiin Bazar Bazarovich 34 items,
- f. 62 Zhamtsarano Tsyben Zhamtsaranovich 148 items,
- f. 44 Pozdnev Aleksei Mikhailovich 319 items,
- f. 29 Kovalevskii Osip Mikhailovich 29 items,
- f. 60 Golstunskii Konstantin Fedorovich 43 items,
- f. 63 Kazakevich Vladimir Alekseevich 29 items,
- f. 83 Iakimov Vasili Dmitrievich 30 items,
- f. 145 Pankratov Boris Ivanovich 501 items.

In cat. I, of interest are not only the records and diaries of specialists, but also those of individuals who found themselves by chance in Mongolia: travelers, pilgrims, merchants.

The Materials of Ts. D. Nominkhanov contain extensive folklore notes on the language of the Derbets of North-Western Mongolia (cat. I, inv. 3, No. 39). This collection also includes several folklore texts from materials gathered for the study of the rare Mongolian dialect of zadaga (cat. I, inv. 3, No. 47).

The major part of category II, inventory 1, «Buryats and Kalmyks», which contains 392 items, is comprised of administrative correspondence from the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries, when a volost'-level reform of land-tenure regulations was conducted in the Zabaikal oblast' (Buryatia) — applications, sentences, reports, petitions, copies of documentary materials of the steppe Dumas, personal archives of the taishes and clan elders. Among these are also folklore recordings and materials on folklore. Of primary importance are: «Materials on the oral folk literature of the

Astrakhan' Derbets, 1909—1911» by N. Ochirov (cat. II, inv. I, No. 344), which contain more than 200 riddles, sayings and more than 50 songs in Kalmyk; materials gathered by B. Tsyrenov (cat. II, inv. I, No. 550), G. Khamgashalov, G. Bertagaev and «other graduate students of the Academy of Sciences Institute of Oriental Studies (cat. II, inv. I, No. 358); materials of F. V. Muromskii (cat. II, inv. I, No. 346); materials of I. Z. Khamaganov (cat. I, inv. I, No. 353). Of definite interest is a work entitled «On the Buryats and Tungus of the frontier cossack host» by major K. S. Beznosik, appointed for special assignments to the General provincial Eastern Siberian staff, which contains examples of Buryat poetry (cat. II, inv. I, No. 2); «Report on a summer commission to the Kalmyk nomadic encampments of the Astrakhan' Province in 1909 by student A. Borzinkevich» (cat. II, inv. I, No. 349). The earliest material is found in «Grammatical and lexical materials on the Kalmyk language, Kalmyk texts of Protestant missionaries in Sarept, brought to Petersburg by Gol'bakh, son of a Sarept pharmacist, at the beginning of the twentieth century».

The greatest amount of folkloric material is concentrated in the following personal collections: the Mongolian studies specialists, prof. of Petersburg University, A. M. Pozdneev (f. 44); the Buryat scholar, public figure, collector of Buryat and Mongol folklore, member of the Scholarly Committee of the Mongolian Peoples Republic and member of the Leningrad Branch of the RAS IOS, Ts. Zh. Zhamtsarano (f. 62); B. B. Baradiin (f. 87), Mongolian and Tibetan studies specialist, member of the Scholarly Committee of the MPR and LB RAS IOS; B. I. Pankratov, Sinologist, specialist in Manchu, Tibetan, and Mongolian studies, member of the LB RAS IOS (f. 145); K. F. Golstunskii (f. 60).

The personal archives also contain materials which belong to other individuals: in B. I. Pankratov's archive we find works on folklore by N. N. Poppe (f. 145, inv. 3, Nos. 42, 43, 45) and B. B. Bambaev (f. 145, inv. 3, No. 84); in A. M. Pozdneev's archive, we find materials belonging to A. D. Rudnev (f. 44, inv. 1, No. 229); in Ts. Zhantsarano's archive, we find materials belonging to S. Dylykov (f. 62, inv. 1, Nos. 79, 81) and D. Tsendenov (f. 62, inv. 1, No. 127).

Thus, folklore materials in the Orientalists' Archive are found in eleven collections and make up 150 items which contain more than 3,000 unique works of folklore. Many of them have not yet been published. Among these materials are fascinating examples of folk literature in various dialects of the Mongols, Buryats, and Kalmyks: Mongolian (*khalkha, darkhat, ordos, chakhar, abaga, sunit, uzumchin, bargu, uryankhai, derbet*), Buryat (*khorin, agin, ekhirit, kizhingin, barguzin, bulgat, alar*), and Kalmyk (*Don, Stavropo*).

The following classification of Mongolian-language folklore materials in the Orientalists' Archive has been established:

1. Large poetic genres: the heroic epic, narratives, poems (Mong. *tuul*).

2. Short poetic genres: praise, good wishes, exhortation, speeches, songs (Mong. *magtaal, ug, erool, surgaal, duu*).

3. Prose genres: legends, myths, traditions, stories, narratives, jokes, parables, tales (Mong. *domog, yaria*).

4. Aphoristic genres: proverbs, sayings, riddles (Mong. *tsetsen ug*).

5. Shamanist poetry: incantations, appeals, prayers, invocations, curses (Mong. *bo, morgol, kharaal*).

In addition to direct recordings of folklore materials, the Archive contains a number of materials directly related to the genre: notes, plans, inventories of folklore recordings, articles, lectures on folklore, musical scores.

The key feature of the material, which covers all large and small folklore genres, is its multi-faceted content and the diversity of the recordings, since they were made by a large number of people at various times and for various purposes. Some of them date from the late nineteenth and early twentieth centuries, when there was great interest in dialect differences, living dialects, and folk literature.

Aside from the expeditionary folklore recordings, the Orientalists' Archive also contains collections drawn up on the basis of genre. Some, for example, contain only proverbs and riddles (f. 44, inv. 1, No. 86), or songs and good wishes (f. 44,

inv. 1, No. 95). Certain collectors arranged their material by dialect, as did N. Ochirov, who included in one notebook riddles and songs in Kalmyk (cat. II, inv. 1, No. 333). There are proofs of a work by N. N. Poppe entitled «The North-Khalkha dialect», which contains 20 new songs, a poem, a story, and an appendix with the manuscript variant of these songs and translation (f. 145, inv. 3, No. 43).

The first category, «Large poetic genre, heroic epic», presents for the most part poems (Bur. *ulliger*) collected by Ts. Zhamtsarano and B. Baradiin during their ethno-linguistic missions to Zabaikal'e and Mongolia at the beginning of the twentieth century on behalf of the Russian Committee for the study of Central and Eastern Asia. These were the first recordings of Buryat folklore which recorded entire works rather than retelling them.

The second category contains works in the Mongols' favorite genres: «urtyn duu» (long songs) and «bogino duu» (short songs), which differ in manner of performance.

Of value to folklorists are commentaries by collectors on the contents of songs, the manner and occasion of their performance, notes on informants and the place where the materials was gathered.

The third category includes etiological legends such as «On the origin of wine» (f. 29, inv. 1, No. 25), demonological, such as «Devil» (f. 67, inv. 1, No. 15, f. 95; cat. II, inv. 1, No. 342), anthropogenic, such as the «Legend of Maidari, who stole a flower from Shigemuni» (f. 44, inv. 1, No. 228, f. 67), hunting tales (f. 62, inv. 1, No. 15, f. 155; f. 62, inv. I, No. 18). There are stories of Bigermidzhid khan which have a Sanskrit literary source and were extremely popular for several centuries in Mongolia, Buryatia and Kalmykia (f. 62, inv. 1, No. 12, ff. 73—84), genealogical traditions on the origin of the ekhirit and bulgat clans (f. 62, inv. 1, No. 40 (6), f. 63), several tales about Balan Senge (or Dalan Khudalchi), a clever, wandering monk who fooled the rich, unlucky travelers, and greedy proprietors (f. 62, inv. 1, No. 40 (4), ff. 32—39).

The section «Aphoristic genres» contains sayings, proverbs (*zuir, tsetsen, ug*), and riddles (*onsogo*). Collectors sometimes

grouped them into a single quire along thematic lines; for example, saying «on mores» (f. 44, inv. I, No. 88), or «on women» (f. 44, inv. I, No. 3). Wise sayings were sometimes collected on dialectical principles, such as the notes of Kh. Nomin-khanov (cat. I, inv. 3, No. 39a). The most extensive are the notes of A. M. Pozdnev: a single quire contains 86 Mongolian sayings (f. 44, inv. I, No. 86), another, 97 Mongolian proverbs (f. 44, inv. I, No. 88). Many aphorisms were written down by N. Ochirov: a single quire contains 115 Kalmyk proverbs (cat. I, inv. I, No. 344).

The final section, «Confessional poetry», brings together materials related to the ancient faith of the Mongolian peoples, shamanism, and its various literary-poetic forms: incantations, prayers, spells, curses, invocations. Recordings of shamanist poetry in the Orientalists' Archive are valuable, for they all contain commentaries on the texts.

The richest materials on shamanist poetry was gathered by Ts. Zhamtsarano; we find among his notes 28 texts with commentary both on the texts themselves and descriptions of rituals such as the «ritual for invoking a soul», «begging for children», «calling to the gods of the west and the east», «on the 12 Fridays», «on the large and small taylgans» (f. 62, inv. I, No. 15, 18, 40 (quires 1—5)). Only a few of them have been published.

Notes

1. *Chuguevskii, L. I.* Arkhiv vostokovedov (b. Aziatskii muzei) [Orientalists' archive (from Asiatic Museum)] // *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka, XXIII godichnaia sessiia LO IVAN SSSR, materialy otechestvennogo vostokovedeniia. Part III, Moscow, 1990.*
 2. SPOAA RAS, f. 152, inv. I, file 328.
 3. SPOAA RAS, f. 152, inv. 3a, file 35.
-